

An abstract painting in earthy tones of brown, tan, and green. It depicts a large, stylized face with dark, hollow eyes and a prominent, textured nose. Above the face, there are several symbolic elements: a circular symbol with a cross-like pattern, a small figure, and other indistinct shapes. The overall style is expressive and textured, with visible brushstrokes and layered colors.

НИКОЛАЙ ХАДАНЦЕВ

ИЩИТЕ
МЕНЯ ПО
ОСТЫВШИМ
СЛЕДАМ...

12+

Николай Хаданцев

**Ищите меня по
остывшим следам...**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хаданцев Н.

Ищите меня по остывшим следам... / Н. Хаданцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть "Ищите меня по остывшим следам..." - первый литературный опыт Николая Хаданцева о видном государственном и общественном деятеле Якутии Платоне Алексеевиче Ойунском. На основе событий последних лет жизни П.А. Ойунского автор представляет читателю свой взгляд на трагическую судьбу великого сына народа саха. Своеобразный и необычный взгляд писателя наверняка вызовет интерес читателей.

© Хаданцев Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Николай Хаданцев

Ищите меня по остывшим следам...

*Посвящается моему отцу
Вячеславу Гаврильевичу...*

Велика и прекрасна Срединная Мать-земля, давшая кров и пищу саха-урангхаям. Свободный, как ошалелый скакун, ветер бродит по необъятным просторам этой земли. Журавль печально и устало курлычит не в состоянии перелететь эти просторы. Кишат жирной рыбой озера, полна дичи черная тайга и величаво несут свои воды могучие реки.

Как прекрасна ты, дающая жизнь всему сущему, прекрасна Срединная Мать-земля!

Где найти такие слова, чтобы описать красоту и величие твое? Великие олонхосуты воспевая и украшая тебя, перебивая друг друга, искусно выплетая узоры песен долгими зимними ночами, не смогут выразить этого в своих былинных сказаниях.

Где найти такие слова, чтобы полностью отблагодарить за предоставленное убежище?

Благородные поступки и деяния народа саха еще последующих восемь веков не в состоянии отдать должное твоей материнской заботе, Срединная Мать-земля!

Приоткрой и ты врата в этот первозданный и нерукотворный Храм природы. Прикоснись и иди, очарованный, неси неугасимый огонь и ощущение своей благодарности, ибо ты часть этого сущего. Ибо она дышит, Срединная Мать-земля! Она дышит. Мы слышим биение ее сердца. Она заботится о своих детях. Она дает нам все, что только можно пожелать...

*Плещет в грохоте грозном,
Дышит яростью, полыхает огнем,
Древнее ложе земли-
Грозное море Сюнг,
Непоколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее окоем,
Сонма лютых смертей при том,
Море горечи, море мук,
Убаюканное песнями вьюг
Берега оковавшее льдом*

Кумачовый плакат на побелевшем фронтоне здания Иркутского железнодорожного вокзала гласил: «Да здравствует Великий Сталин!»

Было раннее морозное утро. Пассажирский поезд еще медленно катился, сопя и лязгая тормозами, когда, пробежав по пустынному перрону отряд автоматчиков НКВД, оцепил место предполагаемой остановки последних вагонов. Три дебелые овчарки, подрагивая густой шерстью, застыли, точно в ожидании привычной команды: догнать, схватить, сбить с ног и загрызть.

Заиндевелые последние вагоны, похожие на почтовые, мертво глядя непроницаемыми окнами, замерли, громыхнув, в кругу оцепления.

– Егоров, выводи!

– Есть! – ответил громадный сержант с простоватым лицом.

В тамбуре солдат, подстать сержанту, такой же большой, подтолкнул к выходу первого заключенного. По установленной инструкции они, выходя на перрон, садились на корточки, не поднимая глаз и ожидая следующей команды.

– Корнилов, статья 58! – крикнул заключенный и сел на корточки.

– Слепцов-Ойунский – статья 58! – выкрикнул следующий, немолодой щуплый зек, с восточными чертами лица и с трудом присел рядом на корточки.

Стоял конец октября, и утро выдалось на редкость морозное. Заключенные были в самой разнообразной гражданской одежде: кто в тулупе, кто в легком пиджачке, кто в затертой шинели. Разнообразие одежды определялось тем, что арестовывали на месте, давая на сборы очень ограниченное время. Многие люди, спросонья ничего не понимая, в душе уверенные, что произошло какое-то недоразумение, выходили налегке, с минимумом одежды.

Переключка шла своим чередом. Майор, получив все дела, часть сложил в толстый портфель и передал сержанту. Потом медленно обошел сидящих на корточках людей, скрипя кожаными ремнями и приговаривая:

– Закон сейчас для вас я! Все команды выполнять только бегом! Шаг влево, шаг вправо – считаются за побег. Стреляем без предупреждения... Ясно?!

Оглядев строй, он остановился и скомандовал:

– Первая группа встать!.. Бегом марш к спецмашинам!

Осужденных погрузили в закрытые спецмашины, прозванные в народе «воронками». Колонна двигалась в путь.

В машине было тесно, так что стоять пришлось согнувшись. На ухабах трясло – негромкая, дружная ругань отмечала каждую выбоину. Внутри было немногим теплее, чем на воздухе.

– Уважаемый! Разве плохо, что нас не повезли этапом в Соловецкий спецлагерь, где заключенные мрут, как мухи? Нам предоставлена такая редкая возможность – побыть на родине еще раз. Пусть, хоть через зарешеченные окна воронок посмотреть на любимые сердцу места, – говорил интеллигентного вида мужчина в пенсне.

– Ну, уж, увольте! Я с момента революции верой и правдой служил советскому народу. Каждый мой поступок был продиктован желанием – дать свободу и счастье трудящимся. И так обойтись со мной: эти допросы, эти неслыханные обвинения – я не могу снести этого, – горько ответил мужчина, выражение лица которого выдавало человека, привыкшего отдавать приказания.

Гармошка складок на лбу, тон его голоса подтверждали его слова, размеры психологической катастрофы, постигшей его. Никто не ответил ему. Хотя каждый из заключенных мог поведать свою историю, полную недоразумения и цинизма, с которым режим перемолол эти судьбы. Всем казалось, что это всего-навсего страшный сон. Стоит только проснуться и все вернется на круги своя. Почет, уважение, близкие и работа во благо родной страны – все это непременно вернется. Но сон не проходил, и, казалось, что безжалостная машина с огромными стальными шестеренками продолжает свою работу. Между шестеренок попал кусочек одежды, машина захватила этот кусочек и тянет за собой остальную одежду. Методично перемалывает уже и плоть, невзирая на бесполезные доводы, крики о пощаде и слезы. И сейчас они стояли, исхудавшие, измученные этапами и допросами, бывшие прославленные генералы и незаметные чиновники, партийные, советские работники и простые крестьяне.

Воронки подъехали к иркутской тюрьме НКВД, стоявшей на окраине города. Спецмашины остановились на контрольно-пропускном пункте и въехали на территорию тюрьмы. Автоматчики сделали живой коридор от машин до приемника – серого одноэтажного здания, на крыльце которого стояли офицеры НКВД и весело переговаривались. Зэки, один за другим, спина к спине, зашли в здание приемника. Тот громадный и ражий сержант Егоров и солдаты в спецприемнике, встречая вновь прибывших, кричали:

– Упаковывайте ваши шмотки и сдавайте на хранение. Это касается и личных вещей – фотографии, письма, деловые бумаги!

Выстроилась живая очередь к столу, за которым сидел молодой лейтенантик и производил опись вещей. Изымалось все, что связывало этих людей со свободой, с родными и близкими: фотографии, письма, удостоверения, памятные подарки. После описи вещей в беспорядке сваливались тут же на полу. Лейтенант торопился, и каждому зэку приходила в голову мысль: «Они делают это с такой небрежностью, как будто зная наперед, что эти личные вещи уже никогда не будут востребованы обратно. Не будут востребованы по причине смерти их владельца».

Но странное существо человек – он всегда надеется на лучшее. И заключенные отгоняли от себя эти страшные мысли. Дошла очередь и до немолодого заключенного с азиатскими чертами лица. Лейтенантик, безучастным механическим голосом, скороговоркой, произнес:

– Слепцов-Ойунский. Что сдаете?

Стоявший подле сержант открыл фанерный чемодан Ойунского, залез туда руками, стал перебирать вещи, бесстрастно диктуя лейтенанту:

– Свитер, две рубашки, расческа, фотографии в количестве пяти штук...

Ойунский сделал было движение, чтобы не дать сержанту трогать руками самое близкое ему: фотографии жены и дочек, друзей, но, встретив взгляд сержанта, остался на месте. Вещи в беспорядке были уложены в чемодан и положены в общую кучу.

– Снимай верхнюю одежду, мы ее опишем! И, давай присоединяйся к остальным, – сказал лейтенант. – Следующий, – выкрикнул он, потеряв всякий интерес к Ойунскому, и обратил свой взгляд к следующему заключенному.

После досмотра личных вещей толпу уставших людей погнали в тюремную баню. Тюремная баня по окраске и по внешнему виду не отличалась от приемника, разве что над зданием бани шел пар. Работники бани, сержанты и солдаты НКВД, приказали раздеться догола. Тут же их вещи были порублены топорами и превратились в простую грудку хлама. Затем сноровистый тюремный брадобрей наголо остригал заключенных под ноль. Волосы, русые и черные, седые и каштановые, смешивались; как смешивались и обезличивались судьбы заключенных. Весь этот процесс походил на хорошо отлаженный и смазанный конвейер, который не давал сбоев и промашек.

– На помывку дается пятнадцать минут! Бегом! – крикнул один из сержантов, и, зэки вошли в холодную помывочную, на полу которой было рассыпано битое стекло – то ли специально, то ли по недосмотру. Более расторопные расхватили шайки, количество которых не соответствовало числу моющихся. Поэтому опоздавшие, среди которых был и Ойунский, безропотно ждали своей очереди. Люди, постриженные наголо, без одежды, почти все одинаково худые, уже не отличались друг от друга. Возраст, привычки, характеры, убеждения – все стерлось, это было простое скопление голых людей, спешащих смыть многодневную грязь и ругающихся из-за освободившейся шайки.

– Всем закончить помывку! Получить одежду, – раздалась команда в стуке шаек, и, опоздавшие бросились к кранам, чтобы успеть помыться.

Открылись двери помещения, которые сообщались с помывочной. Пройдя туда, заключенные проходили перед длинным столом, с которого солдаты выдавали им казенные тюремные куртки, штаны, трусы, майку и сапоги. Многое уже было бывшее в употреблении, латаное-перелатаное. То тут, то там слышались возгласы:

– У меня размер обуви сорок пятый, а вы мне сорок второй даете! – слышался просящий голос зэка.

– Проходи! Не задерживай – с соседом по нарам обменяешься! Следующий! – нарочито громко отвечал сытый солдат, напуская на себя грозный вид (видел врага народа – капризничать решил!).

Щуплому Платону Алексеевичу достались сапоги на два размера больше. «Ничего – думал он, – это даже к лучшему. Скоро холода – намотаю побольше портянок, и будет тепло».

Только под вечер вновь прибывших построили в коридоре тюрьмы, перед камерами. Офицер выкрикивал фамилии, солдаты со скрежетом открывали замки камер, с громким стуком отпирали и закрывали двери.

– Заусаев, Ойунский, Рогожин! Пятнадцатая камера! – наконец выкрикнул офицер.

Взору Платона Алексеевича предстала камера, набитая до отказа. Когда дверь открылась, смрадный воздух испражнений, дыхания многих людей вырвался наружу. Арестанты в камере встали строем, и трое новеньких зашли в нее. Так же со скрежетом и стуком закрылась железная дверь и заключенные, тихо переругиваясь, заняли свои места. Камера представляла собой помещение площадью около двадцати пяти метров, по бокам которой располагались двухъярусные кровати. На одной кровати ложилось по двое человек, под кровати забились несколько человек, остальные повалились тут же в проходе. Мест решительно не было.

– Откуда будете? По какой статье? Есть кто с Вологды? – сразу же посыпались вопросы. И трое вновь прибывших стояли у двери, топчась и отвечая на вопросы.

– Устали, небось, – вдруг сказал старик-сокамерник, в говоре которого слышались жалостливые нотки. – А мест-то нетути. Лягайте прямо там, у двери. Все равно постепенно займете места на кроватях – по мере того, как нас по этапам отправлять будут.

Уставший Ойунский устроился прямо на полу, и почти сразу заснул болезненным, прерывающимся сном.

Следующий день не принес облегчения – у Ойунского болела голова. Заключенным раздали скудную похлебку, в которой не было ни жиринки, ни кусочка мяса. Это была пища, кото-

рая давала чуть силы, чтобы теплилась жизнь. Затем надзиратель выдал Ойунскому бирку с его тюремным номером, чтобы он пришел. Теперь он стал арестантом за номером три тысячи сто восемь. Эта бирка жгла его грудь, хотелось сорвать ее! Она, словно ошейник у собаки, держала человека сильнее, чем цепь...

Через два дня Ойунского вызвали на допрос. В прокурорском кабинете для допросов, за старым столом, сидел следователь в чине капитана. Капитан, не поднимая глаз, бросил Ойунскому: «Присаживайтесь», – и продолжил писать. Перо скрипело, капитан молчал и старательно выводил что-то. Так тягостно продолжалось около двух минут и Платону Алексеевичу стало как-то не по себе.

– Ну что же. Приступим, – следователь отложил бумаги и посмотрел умными глазами на Ойунского.

– Разрешите представиться – капитан наркомата внутренних дел Безуглов. В миру, если можно так выразиться, Иван Алексеевич. Так что мы с Вами тезки по батюшке. Не так ли, Платон Алексеевич? – спросил дружелюбно капитан и протянул Ойунскому папиросы.

Ойунский осторожно взял из пачки папиросу. Не удержался и понюхал, затем подкурил и с жадностью затянулся. Этот капитан располагал к себе. Платон Алексеевич кивнул и дал понять, что готов к допросу.

– Итак, если позволите, то я зачитаю постановление об избрании меры пресечения и предъявление обвинения, – начал Безуглов.

«Слепцов-Ойунский Платон Алексеевич. Рассмотрев следственный материал по делу за номером 17501, достаточно изобличается в том, что на протяжении ряда лет являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации в Якутии, ставившей задачей вооруженное отторжение Якутии от СССР и образование «независимого» буржуазного государства под протекторатом Японии. В этих целях вел вредительскую и подрывную работу в системе народного хозяйства, подготовку вооруженного восстания и передавал шпионские сведения в пользу японских разведывательных органов. Москва. 14 марта 1938 года. Подпись: старший лейтенант НКВД Сокольников».

– Это все гнусная ложь. Неправда и клевета. Я верю в Советскую власть, и останусь верен ей до самой смерти, – снова невысказанная обида спазмами стянула горло. И Ойунский, склонив голову, замолчал.

– Платон Алексеевич! Вам представляется возможность доказать, что это неправда, но нам нужны фамилии, имена. Именно для этого вы здесь. Поверьте, я очень хочу Вам помочь. Если не возражаете, то начнем все сначала.

Итак, Вы родились 11 ноября 1893 года в III Жексогонском наслеге Таттинского улуса. Родители: отец – Алексей Петрович Слепцов, мать – Евдокия Ивановна Слепцова. Бедняки. Имели шестерых сыновей и четырех дочерей. Три брата и трое сестер скончались в раннем возрасте от туберкулеза. Отец умер в 1916 году. Я не ошибаюсь, Платон Алексеевич?

*Придите!
Примите дитя
В нежные ладони свои!
Скройте его,
Спрячьте его,
Унесите отсюда его!
Пусть я лучше умру в родах,
Не увидев дитя свое,
Лишь бы не попало оно
Невидимке лютому в пасть!*

Детство. Светлое и прекрасное время, не отягощенное тяжелыми думами, когда все вновь и помыслы чисты! Окружающий мир давал о себе знать таинственно и заманчиво, и так отраднo было знакомиться с ним. Казалось, что за каждым деревом, в каждом озере будто кто-то жил, таинственный и неведомый, сказочный мир сливался с действительным. Каждый

непонятный звук принадлежал сказочным существам из Верхнего или Нижнего мира. Когда в лесу густели сумерки, обволакивая деревья, кусты и речку, они, совсем еще маленькие пацаны, стояли на берегу, или, прижимаясь друг к другу в маленьком шалаше в лесу, затаив дыхание, с боязливым любопытством ждали, что вот-вот выйдет кто-нибудь к ним или откликнется из тумана и персонажи из былинных сказаний окажутся осязаемой правдой.

– Платоша, вставай! Надо принести дров и помочь отцу наколоть льда, – слова матери выдергивают из этого сна.

Ласковые руки мамы будят Платона, и он нехотя потягивается, оглядывая темную юрту с подслеповатыми окнами из бычьего пузыря. Как не хочется вылезать из теплой постели. Хочет снова окунуться в сон и досмотреть его до конца. Этот сон прерывается всегда в одном и том же месте.

Очаг потрескивает, бросая иногда головешки на земляной пол. В юрте стоит запах ухи. Платон быстро одевается, еще полусонный сидит за столом и хлебает уху. Мать, строгая, но любящая своих детей, ласково воркует и подливает ему похлебки. Платон, как заправский мужичок -помощник, как-никак! – натягивает дырявую дошку с чужого плеча и выходит на зимний воздух, который выбивает из Платона последние остатки сна.

Солнце бросает яркие лучи на снег, и он переливается, режет после темного жилища глаза. Постепенно глаза привыкают, и взору открывается обширный алас, перерезанный замершей рекой. Вяло поднимаются утренние дымки от труб юрт и насколько хватает глаз – стоит морозная, снежная даль. В воздухе уже чувствуется приближение весны и Платону хочется набрать в легкие воздуха и крикнуть, что есть мочи: «Эге – гей!». Да так, чтобы его крик ударился в дальние горы, вернулся обратно, многократно усиленный эхом. Платон представляет как на Севере, на далеком океане, изнывает зверь – Бык мороза и стужи; как морозный пар выходит из его громадных ноздрей, как дышит он морозом, пытаясь заморозить все живое, но не хватает мочи – переломлен хребет и опадает сам собой ледяной исполинский рог.

Но хватит мечтаний – наверно, отец совсем умаялся один на реке, вырубая куски льда. Платон вприпрыжку бежит по утоптанной тропинке к извилистой и неприхотливой речушке Татте. Платон разгорячился от бега, и уже подбегая, видит согбенную фигуру отца возле кучки льда.

– Долго спишь, Платон! – кричит насмешливо ему отец, ухмыляясь и привечая добрыми сощуренными глазами Платона. Полы дохи мешают, но как хочется молодецкато подскокнуть, чтобы отец его похвалил и удивился его ловкости. Отец уже наколот бруски льда, и Платон загружает их в деревянные салазки, пытаясь набрать больше. Уловка проста, чтобы делать меньше ходок и поскорее предаться мальчишечьим играм. Отец, отставив пешню в сторону, одобрительно смотрит на уходящего Платона: «Большой он стал. Быть ему моим помощником – нам с матерью на старости подмога». И пришли следом в голову горькие мысли о безвылазной бедности, о судьбе детей. Казалось, всю жизнь Алексей работал, не покладая рук, но не было конца нищете и тяжелой доле. Из-за своей бедноты и большого количества детей он не смог стать даже наследным скороходом. Шесть сыновей и четверо дочерей – как прокормить такую ораву? Работа вытягивала все жилы и не давала Алексею с Евдокией Слепцовым распрямить спину. Придется нам, как бедным родственникам, по лету идти в кабалу к брату – становится у него хамначитом. Горестно и тяжело стало Алексею от этих мыслей, и он снова взял тяжелую пешню и продолжил долбить лед.

Когда с работой бывало покончено, Платон бежал созывать своих друзей по детским забавам. Закадычных друзей у Платона было двое. Детей из таких же бедных семей – Лексей и Уйбаан. Лексей – боязливый, круглый и медлительный крепыш, с постоянно грязными пальцами и черными ободками давно нестриженных ногтей. Расшевелить его стоило большого труда. Уйбаан – с простым и широким лицом, удивительно похожий на мать. Темные и длин-

ные ресницы вокруг бойких глаз, щуплая, но подвижная фигурка. Он хорош в драке, не боится темноты, верный соратник Платона по ребячьим забавам.

Платон же слыл во всем наслеге неслыханным фантазером. Его воображение неистощимо рождало прекрасных красавиц с белыми лицами и пышными косами; боотуров, стремительно несших по лесам и стреляющим на ходу из тугих луков; огнедышащих и ужасных чудовищ. Ребята ценили его за то, что он мог бесконечно долго рассказывать зимними ночами истории из жизни богатырей, от которых самого Платона охватывает ужас и вдохновенный восторг.

Платону часто снился сон, где он свободно парил над землей. Ему снилось, что за спиной у него выросли крылья; стоило ему забраться на вершину холма, оттолкнуться от земли и его маленький дом, дома соседей, речка, алас смотрятся как игрушечные, а он гордо парит как птица.

В таком возрасте нестерпимо хочется обратить мечту в действие, а сон в явь. Поэтому во время одной из весенних прогулок, он твердо уверенный в чуде, приделал к спине ветки деревьев, и, подобно сказочному герою олонхо, взобрался на самый верх амбара и крикнул удивленным мальчишкам:

– Глядите! Я сейчас полечу!

Но, издав клекот орла и взмахнув отчаянно руками, упал, разбив себе коленку и локоть. Потом еще долго смеялись соседи: «Ну и выдумщик растет у Вас, Платоша!».

На своих друзей Платон всегда мог положиться – после проказ Уйбаан и Лексей стойко отмалчивались под угрозой наказания и не выдавали Платона, который был главным заводилой всех детских забав. Только раз Лексей, расплакавшись, выдал своего друга Платона.

Как-то раз, летом, когда взрослые уже переехали в летние жилища, они втроем общались юрты. Платон нашел в одном из домов образа святых. Вытащил их во двор, бросил в грязь и сказал: «Бога нет!». Затем с мальчишеским остервенением стал прыгать по иконе Николая-угодника. Мальчишки в ужасе стояли и смотрели, как покрывается грязью ореол святого, но который так же всепрощающе и добро смотрел на мальчишек. Поддавшись какому-то наваждению, стали вбегать в другие юрты, срывать иконы, выбрасывать на улицу и топтать их. Гнев родителей был страшен, и, прознав, что идея была Платона, они задали ему трепку.

Их игры проходили на обширном аласе, огромном лугу, окаймленном густым лесом. Они неслись по этой зеленой степи, скривив челюсть набок, как будто закусив удила, склонив голову, галопом; по этой необозримой степи, усеянной одуванчиками и пахучими травами, воображая себя то боотурами, то полчищем злых духов, несущихся сеять зло.

Или строили шалаши, которые были или великолепной крепостью, или разбойничьей пещерой и тогда дремучий лес наполнялся кроважадными криками и «тучи» деревянный стрел закрывали небо.

И только потом, возвращаясь в эти родные сердцу места, он убедился, что алас был не более одного квадратного километра, а казавшаяся огромной и могучей Татта – всего лишь небольшая речушка...

Но не всегда этот алас был таким гостеприимным. Платон отдаленно помнил, всполохами в закоулках памяти хранил детские воспоминания как пришла большая жара. Два года она жгла все живое, не давая расти траве, почти высохла река и затаилось все живое. На второй год засухи, как будто выжженная земля не могла уже родить траву. Коровы семьи Платона исхудали и не могли уже давать молока.

Поздним осенним вечером Платон услышал как приглушенно разговаривали родители. Первым долго и мрачно говорил отец- до Платоша иногда долетали слова «как прокормить», «как будем жить». В ответ ему причитала мать Платона и снова мальчик улавливал только отрывки фраз- слышалось «кормилицы наши, как же мы будем без них».

На следующий день родители скрепя сердцем продали зажиточным соседям коров- и словно темная тень зашла в дом Платона, тень нужды и приближающего голода неотвратимо

поселилась в их доме. Опустел хлев, где стояли такие родные коровы, которые постоянно жевали свою травяную жвачку, поглядывая на детей большими глазами с большими белесыми ресницами. После продажи коров как будто вырвали стержень жизни, родители угрюмо перебрасывались теперь словами и дети, чувствуя что произошло что то страшное, уже не бегали и молчали.

Отец выехал в улусный центр и купил муки, чая и масла- все самое необходимое, чтобы можно было пережить долгую и суровую зиму.

Та осень выдалась особенно ненастной. Темные и густые тучи медленно ползли по низкому небу, мелкий дождь лил не переставая всю неделю. Он был самым шустрым и непоседливым из братьев, Платон опекал его и маленький брат отвечал ему тем же.

Ближе к зиме не стало слышно смеха и не стало детских забав. Болезнь и смерть незаметно вместе с нуждой прокрались в дом Петровых. Постепенно слегли его братья и сестрички, которые не жаловались, лежа на нарах в балагане.

Платону особенно больно было видеть, как умирал его маленький братишка. младшенький брат Платоши- Дьёгёр. Дьёгёр был пожалуй самым преданным в забавах, а заодно и самым благодарным слушателем выдуманных Платоном историй. Он не жаловался, тихо лежал на нарах, с трудом открывая веки и только изредка просил попить. Через неделю он тихо умер- его сердце перестало биться во сне.

Потом друг за другом ушли еще два брата и три сестры. Их мать почернела от горя и перестала уже плакать. Отец хмуро хоронил своих чад.

Потом заболел и Платон. Ночью, устав бороться с температурой, маленький Платон забылся во сне. Этот сон он помнил до сих пор в деталях.

В этом сне посреди огромного аласа величественно стоит огромное дерево, вершины которого теряются в холодной небесной выси. Вдруг мальчика поднимают над землей теплые потоки воздуха и он стремительно поднимается вверх вдоль ствола этого дерева все выше и выше.

Взгляд его простирается вдоль всего неба и он видит, что нижние края небес по окружности свисают вниз. Свисают как бахрома, подобно серебряным ожерельям они трутся о приподнятые края земли, со звуком как будто грызутся со скрежетом разъяренные жеребцы. По обратной стороне этого неба пасутся несметные стада, курятся дымом в далеком тумане белые юрты. Как только пролетел он одно небо, появилось другое небо, другое по цвету. Затем еще одно небо, еще и еще – всего девять ярусов. И когда Платон достиг вершины дерева, увидев теплый и божественный свет- он неожиданно проснулся.

Много лет он вспоминал об этом сне- ведь после того, как он увидел его- болезнь отступила. Ранней весной отец на руках вынес из балагана ослабевшего после болезни Платона на весеннее яркое солнце.

– Вы слышите меня, Платон Алексеевич? – уже третий раз произнес следовательно, вырвав Ойунского из забвения и вернув в стены кабинета.

– Извините меня, – ответил Ойунский. «Кажется настал тот момент, когда любишь разворошить свои воспоминания, снова видеть те места, где я был счастлив когда-то, – подумал он. – Теперь мне приходится подстраивать свое не самое счастливое настоящее под лад уже безвозвратно прошедшему и бродить как тень среди моих грез, мечтаний и мыслей – по законам моей памяти...».

– Ну что же, если Вы вернулись на бренную землю, то я продолжу, – следовательно стряхнул пепел с папиросы и продолжил зачитывать протокол:

– Затем Вы учились четыре года в Таттинском улусе в сельской начальной школе, были первым учеником. Успешно ее закончили...

*Когда ты войдешь
В свой новый дом
И зажжешь в очаге
Священный огонь,
Пусть благодатная Иэйэхсит
Встретить тебя прилетит,
Пусть великая Айыысыт
Очаг твой благословит!*

Чудом к Платону попала первая его книга «Князь Серебрянный» – затрепанная и местами потерявшимися листами. Возможно эта книга и предопределила всю последующую судьбу Платоши.

Книги стали манить Платона как волшебное зелье – огромный, неведомый и прекрасный мир открылся ему. Герои книг преодолевали горы, штурмовали замки, покоряли народы, бороздили моря, находили несметные клады, любили и умирали. Платон проглатывал книги, и когда не было возможности читать при дневном свете, жег лучины и переживал со своими героями радости побед, волнений, исканий и горечь поражений. У себя дома он питался черным чаем. Подкреплялся же у товарищей, которым как заправский олонхосут рассказывал предания старины и русские романы.

Долгими зимними вечерами, у потрескивающего очага юный Платон пересказывал по просьбам своих друзей сверстников «Князя Серебряного»:

– «Слепые! – сказал вдруг царь, быстро вскакивая. – Третий грех: когда кто нарядится нищим и к царю в опочивальню войдет! И ударил он острым посохом Коршуна в грудь...». Русский роман чудно переплетался с олонхо и князь Серебряный вдруг становился похожим на Нюргуна Боотура Стремительного. Преобразившийся князь Серебряный то ударом кулака пробивает стены, то пускает стрелу в небо так, что она теряется в небе, то лихо отрубает головы бесчисленным врагам и может совладать с любым скакуном.

Дети пыhtят и взвизгивают в самых решительных моментах рассказа, а старики, сопереживая и удивляясь, восклицают: «Но-о!».

– Учиться тебе нужно! Знаю, что станешь в будущем великим сказителем, грамотным и известным, – сказал ему однажды известный за пределами своего улуса старик- олонхосут Пантелеймон Слепцов, впечатленный способностями Платоши.

На следующий год Платоша пошел в школу, которая располагалась по чистой случайности рядом с их домом. Маленький Платоша сразу стал лучшим учеником в своей школе и попал под чуткую опеку учителя школы Матвея Сивцева, славившегося на всю округу своими энциклопедическими знаниями.

Именно в школе Платон открыл для себя огромный мир русской литературы: Лев Толстой, вяжущий нить повествования так легко и просто, говорящий об обыденных вещах так полно и красиво; Гоголь, читая которого хотелось то задорно смеяться, то плакать от сожаления и горя. Они пленили сердце Платона. Он восторгался тем, как рождаются волшебные герои романов, которые так очаровательно, так безбрежно и широко вставали перед ним в таких волшебных, одушевленных картинах.

Но особенно выделялся в этом ряду Пушкин, с его нежной и страстной поэзией, с этой сверкающей звездой в слог, – он очаровал, заморозил впечатлительное сердце, и жадное до книг сознание юноши.

Платон, легко начинавший осваиваться с трудностями русского языка, с увлечением стал переводить их на якутский язык. Он тогда еще не знал, что для перевода с другого языка мало знать этот язык. Надо еще проникать в глубокое, живое разнообразие значений слов и в таинственную способность соединения тех или иных слов.

Но он уже сам начинал чувствовать, что переводы его лишены легкой, игривой, свободной резвости подлинника; что стихи у него выходят грузными, тяжело произносимыми, и что напряженный смысл их далеко не исчерпывает волнующий смысл пушкинского стиха.

Однажды после урока, Платон догнал ушедшего из класса своего первого учителя Матвея Сивцева и сунул ему в руки свой перевод Пушкина на якутский язык.

– Здесь немного, всего тридцать две строчки. Будьте добры, перечитайте перевод и скажите свое мнение, – сказал, стесняясь, Платон.

Через несколько дней, выходя из класса, Матвей Сивцев попросил Платона задержаться и сказал:

– Платон, ты потрудишься на славу. Русская литература огромна, многогранна и богата. Ты своим трудом даешь возможность всему якутскому народу прикоснуться к этому живительному источнику. Тебе надо продолжить учебу в городе. Только там твой талант может раскрыться в полной мере. В городе есть хорошие учителя, да и сам дух учебы в Якутске поможет тебе. Я поговорю с твоими родителями.

Телега въезжала в город. Добротные деревянные дома, мощеные чурочками улицы, высокие заборы произвели на Платона большое впечатление. «Сколько же здесь домов, можно и потеряться. И почему они строят так близко друг к другу? Интересно, бывают ли в Якутске балы?». Вопросы теснились в голове у Платона, и он проворно поворачивал голову, пытаясь ничего не упустить. По мере того, как они приближались к центру, все больше парочек и гуляющих компаний попадалось им по пути. Гимназисты в щегольских мундирах стайками бежали по своим делам, озабоченные и хмурые служащие спешили по домам, прелестные дамы в воз-

душных нарядных платьях с кавалерами проплывали мимо. С берега реки, со стороны городского парка слышались звуки духового оркестра. Стали попадаться кирпичные двухэтажные дома, вокруг которых были разбиты клумбы. Якутск очень понравился Платону – ему стало радостно, что он будет учиться в этом большом городе; что он и сам в недалеком будущем станет городским; что он также галантно будет ухаживать за дамами и вести светские разговоры.

Благодаря письму общественности на имя директора и попечительского совета Городского четырехклассного училища, Платона зачислили в число его учеников. Училище размещалось в одноэтажном здании. В восьми его классах учились дети мещан, служащих и бедняков.

Небольшого росточка, щуплый восемнадцатилетний Платон казался младше своих годов. Осенью, с начала учебного года, их торжественно построили перед крыльцом училища. Директор училища Мережков, высокий мужчина сорока лет с громоподобным голосом, поздравил учеников с началом учебного года. Затем, еще тихие, настороженно оглядывающие друг друга, ученики прошли в классы. Когда закрылись двери класса, Платону стало грустно, он вспомнил родных, свой алас, дружков по играм, захотелось даже всплакнуть, но живой и энергичный голос учителя вывел его из этого состояния:

– ... вы пришли в эти стены за знаниями. Знания – словно мышцы на вашем теле. Когда вы познаете – вы становитесь сильнее! И когда вы станете сильнее умом, то огромный и прекрасный мир распахнется перед вами. И я один из тех, кто поможет вам открыть для себя врата знаний. Я учитель словесности Петров Сергей Виссарионович!

От Сергея Виссарионовича исходила молодость и то одухотворение, которое так тянет к себе молодые, нетронутые злом сердца. «Я буду учиться!» – искренне прошептал про себя Платон.

Потянулись дни учебы, но алгебра и геометрия давались Платону тяжело. Он никак не мог понять, как из этого сонма катетов, гипотенуз, умножений и числа цифр могут появляться какие-то стройные теоремы. И сам учитель алгебры Селиванов, которого ученики за глаза называли Пифагором, вызывал у Платона неприятные ощущения. Это был маленький мрачный человек с целой кучей нечесаных волос. Трудно было заставить его улыбнуться, еще труднее было признать это за улыбку, точно кто-то насильно растягивал рот Селиванову. Когда Селиванов останавливал свой взгляд на Платоне, тому казалось, что он всходит на эшафот. Остальные ученики тоже боялись его.

– Слепцов! К доске, – с видом инквизитора сказал Селиванов.

Платон, сжимая в руке мел, попытался объяснить теорему.

– Садитесь! «Два», – смачно выговорив в очередной раз, Селиванов сделал отметку в журнале.

– Я не согласен! – вдруг сказал Платон.

– С чем не согласны, мой юный друг? – с любопытством спросил Селиванов, словно в первый раз увидел Платона.

– С «двойкой», – пробормотал Платон.

– Отчего же? Ваши познания в области алгебры оставляют желать лучшего. Мне кажется это самая достойная оценка Вам на данный момент, – ехидно сказал Селиванов, нарочито усердно протирая свое пенсне.

– Я, видите ли, не вижу себя в будущем математиком, – вступил в спор Платон и класс затих. Кто-то захихикал на задней парте, ожидая развития событий.

Селиванов долго протирал пенсне, спрятал платок в карман своего безукоризненного костюма и, наконец, произнес:

– Мой юный друг! По настоящему образованный и культурный человек знает алгебру. Тем мы отличаемся от невежественных людей, что можем умножить два на два. Я знаю, что Вам нравится поэзия. И поверьте мне, алгебра это тоже поэзия, только поэзия в цифрах!

Селиванов схватил остро отточенный мелок и стал красивым почерком выводить какую-то теорему. Закончив столбик цифр и дважды подчеркнув доказательство теоремы, он отошел, довольный своим творением. Склонив голову, он залюбовался начерченным, словно картиной в музее.

– Ну разве это не поэзия! – воскликнул он. Вздыхнул и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.